

Поднявшись, я твердо зашагал к выходу. Фэнхуа уже ждал снаружи, омытый лучами утреннего солнца. Он протянул руку, перехватил мою ладонь и, глядя прямо в глаза, бросил:

— Глупый малый, ну что ты плетешься, точно черепаха?

Сволочь, опять издевается.

Привычным жестом я попытался высвободиться, но, как всегда, безуспешно.

— Ты... вечно лезешь не в свое дело! — огрызнулся я.

Он лишь слегка нахмурился. Оранжевое золото рассвета скользнуло по его лицу, заставив его на миг задуматься. Мы стояли так довольно долго, пока он наконец не приструнил меня, не давая вырваться, и тихо произнес:

— Пойдем.

Так, крайне неохотно, я позволил этому демону увлечь себя прочь, под провожающими взглядами остальных.

Ху Лай и его люди к демонам никогда любви не питали, а потому держались в стороне. Они долго смотрели нам вслед, но подойти так и не решились — Фэнхуа внушал им опаску. И хотя он спас их жизни, ледяную стену в сердцах не разрушить за один день. Он был демоном, и этого не изменить.

К тому же он со всеми вел себя подчеркнуто холодно... со всеми, кроме меня.

Уж лучше бы он меня и вовсе не замечал.

На самом деле между нами не было ни смертельной вражды, ни великой ненависти. Просто мы были соседями: тысячу лет кряду смотрели друг на друга, пока не осточертело. Он презирал меня, я злился на него. В юности я глотал его холодные насмешки, не находя слов для ответа, но со временем привык огрызаться, точно в сердце моем развели костер. Я лез из кожи вон, лишь бы не уступить ему. Помню, как в детстве во время каждой ссоры я пытался подражать его манере речи — вставлял в слова колючие шпильки, заменял добрые слова злыми. С тех пор это вошло в привычку: даже когда хочешь сказать что-то хорошее, с языка срывается гадость.

А потом, много позже, Фэнхуа вдруг притих. Он просто замирал и смотрел, как я закипаю от ярости. Он едва заметно улыбался и очень внимательно слушал мои вопли, пока я размахивал руками и брызгал слюной. Ссоры превратились в мой личный бенефис, а я в них выглядел самым последним дураком.

Это бесило еще сильнее.

Внутри всё сжималось от досады; я не мог выносить этот его пристальный взгляд. Казалось, Фэнхуа видит меня насквозь — он насмехался над моей заурядностью и глупостью, глядя на меня глубоким, как лесной омут, взглядом. Он видел всё: и мой страх, и крохотную неуверенность, скрытую за пронзительными криками.

А я не понимал его. Совсем.

Даже когда я встал на путь совершенствования, зная, что бессмертному полагается отрешиться от мирских страстей, я не нашел покоя. Я мог исписать иероглифом «Покой» всю стену сверху донизу, но морщина между бровей никуда не исчезала.

Сердце ныло, будто в него вогнали иглу. Какое-то неясное чувство сковывало меня, заставляя бежать, прятаться, искать спасения там, где его не было.

Эта душевная смута закончилась лишь в тот день, когда я взошел на пик Яоцзи.

Я помню, как Фэнхуа стоял на далеком горном перевале, провожая меня взглядом. Не знаю, видел ли он меня на самом деле, но в памяти отчетливо отпечаталось, как он холодно улыбался. Его взгляд тогда казался застывшим, отрешенным. В нем не было радости, лишь безжизненная пустыня, безмолвная, точно стоячая вода.

Совсем не тот живой, лукавый взгляд, что я вижу сейчас.

Мы торопились. За полдня пути я не съел ни крошки, а до Восточного моря было еще ох как далеко. Живот предательски заурчал, и я, отбросив церемонии, достал лепешки, что дала мне на дорогу Ху-сао.

Я жевал с аппетитом, вполне довольный жизнью, как вдруг Фэнхуа, обнимавший меня за талию, резко дернулся. Я едва не полетел кувырком, а кусок еды вместо рта угодил прямо в нос.

Лицо мигом перепачкалось в масле и крошках. Я вспыхнул:

— Ты это специально!

Фэнхуа лишь ехидно усмехнулся:

— Ну допустим. И что с того?

«...»

У тебя нет сил, Лянь, и тебе всё еще нужно, чтобы этот демон доставил тебя к морю. Терпи.

Стиснув зубы, я молча стряхнул крошки с одежды и поправил шпильку Управления Ветром, поглубже спрятав ее в рукаве. Кое-как утерев перепачканное лицо, я сдержал поток ругательств.

В конце концов, я в его власти, да и демон этот сейчас слишком полезен. Как говорится, кто везет, тот и правит. К этому можно привыкнуть...

... Да черта с два к такому привыкнешь!

Небо, еще недавно залитое светом, внезапно затянуло свинцовыми тучами. Воздух в одно мгновение пропитался запахом влаги, потяжелел. Ветер хищным зверем рванул по верхушкам деревьев, заставляя листву испуганно дрожать. Гроыхнуло в первый раз.

Я предложил переждать непогоду, и Фэнхуа согласился.

Дождь обрушился стеной. Мир утонул в сплошном гуле воды, которая с хлипким всхлипом впитывалась в зелень, скрывая все следы в серой мгле. Потоки били меня по макушке, заливались за шиворот, и вскоре одежда неприятно прилипла к телу, несмотря на то что Фэнхуа пытался прикрывать меня собой.

Ливень только усиливался. Молнии вспарывали небо, гром раскалывал тишину.

Когда мы наконец нашли небольшую пещеру, оба вымокли до нитки. Я принялся выжимать рукава, чувствуя на себе взгляд Фэнхуа.

— Чего уставился?

— Ты выглядишь жалко, — бросил он, не отводя глаз.

— На себя посмотри, — буркнул я и потянулся было к его плечу, чтобы смахнуть капли воды. При ближайшем рассмотрении оказалось, что он промок еще сильнее. Струйки воды сбегали по его шее, собирались у ключиц и исчезали под распахнутым воротом, оставляя на бледной коже влажные дорожки.

Мы стояли совсем близко. Я чувствовал его дыхание — прерывистое, влажное. На миг время будто застыло. Фэнхуа позволил мне коснуться его щеки, а потом тихо, едва слышно прошептал:

—... Знакомо? Если ты еще хоть что-то помнишь.

В его взгляде промелькнуло нечто призрачное, пугающее.

— Что? — не понял я.

Фэнхуа лишь мягко усмехнулся и покачал головой:

— Ничего.

— Вечно ты темнишь, — проворчал я, отстраняясь.

Я проверил свой узел с вещами и обнаружил, что припасы безнадежно промокли.

— Да издеваетесь вы все... — простонал я.

Глядя на размокшие лепешки, я решил, что добру пропадать не стоит, и принялся жевать это месиво. На вкус оно напоминало сырую глину.

— И зачем ты ешь эту дрянь? — Фэнхуа скривился от отвращения.

— Не тебе же есть, чего ворчишь? — я проглотил кусок. — Голод не тетка, сойдет и так.

Он промолчал, продолжая наблюдать за мной. Пока я справлялся со скудным ужином, в памяти сами собой всплыли те роскошные блюда, которыми угощал нас Мо Чэ. Слюнки потекли при одной только мысли об этом.

— Вот вернусь, заставлю Чэ приготовить пир на весь мир, — мечтательно произнес я.

Обернувшись, я внезапно оказался в объятиях промокшего насквозь демона персика. Я попытался вырваться — сидеть в охапке с кем-то мокрым было сомнительным удовольствием.

— Пусти! От тебя холодом веет, ты же весь сырой!

Я пожалел о своих словах в ту же секунду. Фэнхуа не только не отпустил меня, но и принялся невозмутимо разоблачаться... Тонкая шея, изящные плечи, шелк волос, рассыпавшийся по обнаженной коже — я невольно засмотрелся, забыв закрыть рот.

Скинув мокрую одежду, он снова притянул меня к себе. Придя в себя, я возобновил попытки освободиться, хотя прикосновение к его гладкой, прохладной коже смущало меня не на шутку.

— Я же сказал: пусти. Ты... ты зачем разделся?!

— Терпеть не могу, когда между нами что-то есть, — он лениво коснулся моего века. В голосе сквозило странное, затаенное раздражение. — Эта одежда... она мешает мне коснуться тебя.

Я перехватил его руку:

— Ты что, заживо меня ободрать решил? Вечно несешь какую-то околесицу.

Он прикрыл глаза, не ослабляя хватки, и я, в конце концов, сдался.

Снаружи стремительно темнело. Дождь не утихал, монотонно барабанил по траве у входа в пещеру.

— Лянь-эр, — тишину нарушил его голос.

— Ну? Чего еще?

Он помедлил. Его слова, легкие, точно пух, прозвучали в тишине пещеры интимным шепотом:

— Если однажды... человеческий облик, положение, чувства, надежды и само твое «я» окажутся лишь тленом... Если мука и отчаяние загонят тебя в тупик и предложат выбор: вечная боль или полное забвение... что ты выберешь?

Я посмотрел в его серьезные глаза и невольно посерьезнел сам. Почесав подбородок, я на мгновение задумался.

— Я бы выбрал забыть всё. Если что-то приносит одну лишь боль, к чему за это цепляться? От плохого нужно избавляться.

Фэнхуа замер, он судорожно сжал меня за галию.

— А если... если боль нужна лишь для того, чтобы помнить одного-единственного человека? Ты всё равно выберешь забвение?

— Помнить человека? — я усмехнулся. — Ну, буду я помнить, и что с того? Если суждено мучиться, лучше стереть всё из памяти под чистую. Станем чужими людьми — ни обид, ни жалоб, ни сожалений.

— Вот как, — в его голосе прозвучала горечь.

Я обернулся и вскинул брови:

— Эй... ты в порядке? Что это на тебя вдруг нашло?

— Ничего, — отозвался он совсем тихо.

Наверное, ему просто было скучно. Потом он говорил еще много, но я уже плохо соображал, о чем именно. Я лишь надеялся, что этот бесконечный ливень скоро прекратится, и отвечал невпопад.

Ветер шептался в листве, в тесной и темной пещере было зябко, но, признаться честно, в его объятиях я чувствовал себя в полной безопасности. Как ни странно, я совсем не боялся быть так близко к нему.

Сон подкрался незаметно.

Уже в полузабытьи я почувствовал, как кто-то нежно коснулся губами моего лба. Тихий шепот, едва различимый за шумом дождя, просочился в мое сознание:

— Пусть будет забвение... Теперь ты — это новый ты. Прошлого не вернешь, да мне и всё равно. Ты же знаешь... мне всегда было всё равно.

Сладкая дрема, мерный стук капель по листьям и эти странные слова слились в единую гармонию ночи. Шорох дождя становился всё тише, уступая место глубокому, безмятежному сну.

<http://bllate.org/book/17534/1706444>